

РАБОТА СЕКЦИИ СЛАВЯНСКОГО ЭТНОГЕНЕЗА ЛЕНИНГРАДСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ НАУЧНОГО СОВЕТА АН СССР ПО КОМПЛЕКСНЫМ ПРОБЛЕМАМ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

За 10 лет деятельности совета (с 1976 по 1986 г.) археологи, историки, лингвисты, фольклористы и этнографы 9 раз собирались, чтобы обсудить проблемы этногенеза и ранней истории славянства. Начало было положено в 1976 г. большим и обстоятельным докладом Д. А. Мачинского «Современное состояние проблемы происхождения славян и перспективы ее разрешения», во многом определившим дальнейшую деятельность секции этногенеза совета.

В докладе был представлен анализ трех систем этногенетических источников — лингвистических, исторических, археологических.

Обзор данных лингвистики позволил докладчику присоединиться к мнению тех языковедов, которые предполагают существование балто-славянского языкового единства в III—I тыс. до н. э., накануне единства общеславянского. Балто-славянские предки исторических славян на рубеже новой эры обитали, по мнению докладчика, восточнее Западного Буга, севернее Днестра и украинской лесостепи, южнее Западной Двины и вплоть до верховьев Десны и Оки на востоке. Общеславянский язык был реальностью по меньшей мере до X в.

Анализ письменных исторических источников показывает, что славянство существовало в условиях функционирования двух постоянных миграционных потоков на его пограничье — регулярной «пульсации степи» (каждые 200—300 лет в Европу с востока вторгалась новая волна кочевников) и фиксируемого с III в. до н. э. по V в. н. э., хотя и не столь регулярного, передвижения населения южной Прибалтики на юго-восток, в восточное Прикарпатье, в область украинских черноземов и в Нижнее Подунавье.

Впервые на исторической арене славяне (или их непосредственные предки) появились под именем венетов. Сведения о венетах юго-восточной Прибалтики в трудах Плиния и Птолемея, восходя к концу IV—I в. до н. э., вряд ли имеют прямое отношение к истории славян. Более вероятно тождество славян или их предков с венетами Тацита, хотя пока и оно недоказуемо. Тацит обрисовал ситуацию, относящуюся к 50—80-м годам I в. н. э., и поместил венетов в так называемую зону «обоюдного страха», лежавшую между германцами и сарматами, т. е. между Вислой и Днепром. Д. А. Мачинский вслед за рядом польских исследователей выступил против прямого отождествления венетов с носителями пшеворской культуры, видя в последних скорее соответствие племенному союзу лугнев.

Древнейшее достоверное событие в истории славянства — война рекса готов Германариха в IV в. с венетами (по Иордану, непосредственными предками антов и склавинов), которые тогда были расселены к востоку от Западного Буга и среднего Немана, западнее верховьев Оки и к северу от украинской лесостепи. Анты, с которыми готы столкнулись в конце IV — начале V в., тоже обитали, по-видимому, в юго-западной части этой области.

Около 512 г. склавины отмечены Прскопием в области, непосредственно прилегающей с севера и востока к Карпатам. Западнее находилась большая пустующая область. С начала VI в. огромные массы славянства двинулись на юг, в Подунавье. Склавины отмечены в 520—540 годах на Дунае к западу от Железных Ворот, а анты — в низовьях Дуная. В конце 540 годов анты были вытеснены склавиными из Подунавья к востоку, за Днестр. А склавины во второй половине VI в. расселились по всему Подунавью, достигли верховьев Вислы, затем Эльбы и Балтийского побережья. В конце VI — начале VII в. византийская армия, а вслед за ней какие-то группы романоязычного населения («волохи» русской летописи), поддержанные аварами и антами, переходят в контрнаступление против склавинов. Часть населения Дунайского левобережья переселилась на юг, в Грецию, часть ушла на северо-восток, встречая здесь отдельные группы древнего славянского, балто-славянского и балтского населения. В VII—VIII вв. двинулась на восток и часть славян Повисленья. К VIII в. и те и другие достигли озера Ильмень и верховьев Оки.

Изучение археологических материалов, по Д. А. Мачинскому, подтверждало данные письменных источников о миграционных потоках в пограничье праславянского (балто-славянского) мира. Но и в его пределах, и в зонах, где зафиксированы исторические славяне, остается целый ряд «белых пятен».

Со II в. до н. э. по II в. н. э. среднее течение Западного Буга было границей двух культурных областей — восточной и западной. К западу находились пшеворская и оксывская культуры, а к востоку — близкая им зарубинецкая в Поднепровье и весьма отличные от них культуры лесной зоны — штрихованной керамики и днепро-двинская.

Ко времени, описываемому Тацитом, зарубинецкая культура прекратила существование, и в зоне «страха и ужаса», где должны были обитать венеты, практически отсутствуют памятники середины I — середины II в. н. э. По мнению Д. А. Мачинского, не обнаружено археологического единства и в западной части зоны расселения славян-венетов и славян-антов IV в.; лишь в восточной ее части известны поселения и могильники, объединяемые в «памятники киевского типа» и сохраняющие некоторые зарубинецкие традиции. Основная часть их синхронна с образовавшейся южнее черняховской культурой III—IV вв. Последняя, по мнению докладчика, вряд ли имеет прямое отношение к славянскому этногенезу, и ее сопоставление с антами IV—VI вв. неправомерно.

Склавны, зафиксированные Прокопием в начале VI в. к северу от Карпат и на нижнем Дунае, тоже не имеют археологических соответствий, их древности невозможно выделить среди памятников славянской культуры второй половины VI в., эпохи активного расселения славян. Это культуры керамики пражского типа или типа Корчак, а также типа Пеньковки в восточной части ареала, распространенные от Эльбы до Среднего Днепра. К северу от Корчака и Пеньковки, в зоне прежнего расселения славян-венетов, лежит культура типа Колочина, возможно, как и памятники типа Пеньковки, тоже относящаяся к культуре «киевского типа».

Отмеченное письменными источниками обратное движение славян в середине VII—VIII в. с Дуная на северо-восток находит лишь слабые и косвенные подтверждения в археологическом материале.

В заключение Д. А. Мачинский упомянул о некоторых данных фольклористики и этнографии, позволяющих утверждать, что «дунайский эпизод» оставил заметный след в сознании и культуре восточного славянства. Отмеченные «белые пятна», где отсутствуют памятники, соответствующие появляющимся на исторической арене славянским племенам или их непосредственным предкам, совпадают с зонами их военной экспансии.

Большинство выступавших в дискуссии по докладу Д. А. Мачинского приветствовали прежде всего примененный докладчиком принцип — отдельное рассмотрение трех систем источников и сопоставление лишь наиболее строго синхронизированных результатов.

Краеугольным камнем концепции Д. А. Мачинского был тезис о балто-славянском единстве. Тема заседания совета, состоявшегося в апреле 1977 г., была следующей: «Проблема балто-славянских отношений и этногенез народов Центральной и Восточной Европы». Хотя прочитанные там доклады носили частный характер, дискуссия вылилась в обсуждение широких проблем, в частности методических: о соотношении данных лингвистики и археологии.

Выступавшие во время дискуссии языковеды В. М. Мокшенико и В. В. Колесов говорили, что археологи, пользуясь работами лингвистов, зачастую представляют себе глоттогенетические процессы несколько упрощенно, в то время как тот или иной этноним может охватывать группу носителей различных, подчас смешанных диалектов. В выступлении Г. А. Хабургаева прозвучала та же мысль о реальном сосуществовании разнообразных диалектов, в том числе и смешанных, в частности балто-славянских. Таким, например, мог быть язык ятвягов. Аналогичная картина, возможно, существовала на каждом предшествующем этапе развития праязыка. Заметим, что при такой постановке вопроса проблема прародины может вообще отпасть.

Как отмечали в своих выступлениях археологи, лингвисты тоже нередко понимают их упрощенно. Пользуясь археологическим материалом, языковеды принимают лишь одну из возможных версий и зачастую недоучитывают тот факт, что большинство археологических культур восходят сразу к нескольким культурным явлениям.

К сожалению, за 10 лет это был, пожалуй, единственный случай столь откровенного обмена мнениями между представителями различных дисциплин. Чаще происходил лишь обмен информацией о последних достижениях в той или иной области.

Осенью 1977 г. на заседании «Балтийские славяне и Русь» историки и археологи обсуждали конкретные данные о контактах балтийских и восточных славян в раннем средневековье. В 1978 г. на заседании «Палеославистика и проблемы этногенеза славян» в основном излагались результаты исследований лингвистов в Полесье. Выступали Н. И. Толстой, А. В. Десницкая, Г. Я. Семина и др. Однако докладов, претендующих на создание целостной картины славянского этногенеза, здесь не было.

В конце 1980 г. на заседании совета под общим названием «Между скифами и славянами» выступали только археологи. А. Ю. Алексеев в докладе «Конец Великой Скифии» показал, что в начале III в. до н. э. (не позднее 275 г. до н. э.) почти одновременно исчезают степные и лесостепные памятники скифского типа. Вывод весьма важный, поскольку он ставит под сомнение широко бытующий тезис о перерастании культуры скифов лесостепи в зарубинецкую культуру.

Проблеме происхождения последней был посвящен доклад К. В. Каспаровой. Согласно ее данным, формирование зарубинецкой культуры происходит в первые десятилетия II в. до н. э. и завершается к 170—150 годам до н. э. Этот процесс протекал в бурной обстановке, когда после краха «Великой Скифии», павшей под ударом сарматов, «скифский вакуум» попытались заполнить другие народы, выходцы из северо-восточной части Центральной Европы. Такая обстановка нашла отражение и в письменных источниках — в Ольвийском декрете Протогена и в известиях о «бастарнах-пришельцах». С последними докладчица связала зарубинецкую культуру.

Таким образом, зарубинецкая культура, считавшаяся многими археологами славянской, «выпадала» из процесса славянского этногенеза. Впрочем, не полностью. Потомуки ее носителей сыграли в нем определенную роль, что было продемонстрировано М. Б. Щукным, в докладе «Конец зарубинецкой культуры и его последствия» обрисовавшем ситуацию, возникшую в украинской лесостепи в первые века нашей эры. В середине I в. н. э. новая волна миграции сарматов на запад привела к распаду единства зарубинецкой культуры. Часть ее территории запустела, часть была занята сарматами. Остатки зарубинецкого населения искали спасения в пограничье лесостепной и лесной зон, постепенно утрачивая признаки, унаследованные от зарубинецкой культуры. Одновременно в глубине лесной зоны происходит трансформация днепровской культуры в среднетушемлинскую. По мнению докладчика, все население лесостепной и лесной зон, включая постзарубинецкое, носителей среднетушемлинской культуры Смоленщины и культуры штрихованной керамики Белоруссии и Восточной Литвы,

соответствует венетам Тацита, жившим «между бастарнами и феннами». К концу II в. происходит интеграция различных постзарубинецких групп в киевскую культуру Среднего Поднепровья, Подесенья и лесостепного Левобережья, в формировании которой известную роль должны были сыграть выходцы из более северных районов.

Наконец, Е. А. Горюнов и М. М. Казанский в совместном докладе «Памятники киевского типа и раннеславянские культуры» доказали, что киевская культура стала основой для формирования трех очень близких по облику и структуре раннеславянских культур — леньковской, колочинской и корчакской.

После заседания 1980 г. стало ясно, что многие явления и процессы, представлявшие Д. А. Мачинскому в 1976 г. несколько смутными, постепенно начали приобретать более четкие очертания. Назревала необходимость нового синтеза.

Попыткой осуществить его был доклад М. Б. Щукина «О трех путях изучения проблемы этногенеза славян в археологии», зачитанный на заседании совета в 1984 г. Археологи, указав автор, используют в своей работе ретроспективный метод, они выстроили две «цепочки» преемственных культур, уходящих в эпоху бронзы: западную (польскую) и южную (украинскую). Но в обоих случаях между отдельными звеньями цепочек наблюдаются хронологические разрывы, а культуры, непосредственно предшествующие раннеславянским, особенно сильно отличаются от них по структуре. Столь резкая утрата всех культурных традиций маловероятна у моноэтнического населения. В лесной зоне Восточной Европы подобного явления не наблюдается, там культурные традиции значительно более устойчивы. Но лесные культуры расположены в зоне балтской топонимики и поэтому считаются балтскими. Если же принять тезис о наличии балто-славянского единства, этот «балтский барьер» становится проницаемым. В таком случае можно считать перспективным путь, намеченный П. Н. Третьяковым (от зарубинецкой культуры к киевской, минуя черняховскую), но с одним уточнением. Киевская культура имеет два корня, один из которых восходит к зарубинецкой культуре, а второй — к культурам лесной зоны. Не произошло ли в рамках именно этой культурной общности отделение балто-славянских диалектов от балтских или славянских от балто-славянских?

На том же заседании совета Д. А. Мачинский обратил внимание еще на один момент. С конца I в. н. э. лесную зону «пронизывают» некие взаимные культурные импульсы между Прибалтикой и Поднепровьем-Подоньем. О них можно судить, например, по распространению фибул «прусской серии» конца I в. н. э., по ранним типам изделий с эмалью (III в.) и др. Позднее такого рода импульсы по торгово-военно-сакрально-дипломатическим путям играли немаловажную роль в сложении Древней Руси. Возможно, начало подобных контактам было положено именно в эпоху выделения славянства из довольно аморфной балто-славянской среды населения лесной зоны, способствуя процессам, о которых шла речь в докладе М. Б. Щукина.

Следует упомянуть еще об одном заседании совета. Оно состоялось в 1985 г. и было посвящено проблеме так называемых «Велесовых книг». Как докладчик (А. А. Творогов), так и все участники дискуссии выразили большое сомнение в достоверности этого источника.

Заседание совета, проходившее в апреле 1986 г., было посвящено культурно-историческим контактам населения лесной зоны Восточной Европы в середине I тысячелетия н. э. А. Н. Анфертьев в докладе «Лесная зона Восточной Европы по данным Тацита и Иордана» рассказал о разночтениях в сохранившихся списках труда Иордана и выразил сомнения в достоверности сведений готского историка о народах лесной зоны, якобы завоеванных Германарихом в IV в.

О завоеваниях в данном случае действительно судить трудно, но И. А. Бажан в докладе «К распространению некоторых типов поясного убора» показал, что некоторые типы пряжек и накопечников поясов III—IV вв., происходящие из Южной Прибалтики, проникают не только по пути движения готов на юг, но и далеко на восток, достигая Поволжья и вызывая там местные подражания. Контакты в последнем случае, вероятно, осуществлялись по одному из тех торгово-сакрально-военных путей, о которых говорил Д. А. Мачинский на заседании 1984 г.

Проблеме контактов Поволжья с украинской лесостепью в VIII в. было посвящено и сообщение О. А. Щегловой «О восточных связях памятников волынецкого типа».

Г. С. Лебедев сделал доклад «Прусы, русы, чудь». По его мнению, все три названия представляют собой германские этносоциальные термины, перенесенные на вновь формирующиеся в балтской, славянской и финской среде этносы.

Подводя итоги десятилетней деятельности совета, можно констатировать, что в значительной мере именно в его рамках происходило формирование новой «лесной» концепции происхождения славянства (создаваемой, правда, по преимуществу археологами). Основной цели — объединения представителей различных дисциплин и создания обобщающего труда по славянскому этногенезу — пока достигнуть не удалось. Но не исключено, что ее удастся осуществить в не столь отдаленном будущем.

М. Б. Щукин